

Включенный в организационно-управленческий блок раздел, содержащий примерную тематику докладов, рефератов, курсовых и дипломных работ, может рассматриваться как конечный контрольно-оценочный этап в так называемой «технологической цепочке управляемой дистанционно самостоятельной работы студентов» [3, с. 6], нацеленной на дальнейшее развитие их творческого потенциала.

Очевидно, что предлагаемое содержательное наполнение, комплектация и удельный вес каждого раздела потребуют дальнейшей доработки после апробации электронного учебно-методического комплекса в ходе учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образовательный стандарт высшего образования. Специальность 1-21 05 06 «Романо-германская филология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/W21933799p_1551819600.pdf. – Дата доступа: 20.04.2020.
2. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 208 с.
3. Сергеенкова, В. В. Управляемая самостоятельная работа студентов. Модульно-рейтинговая и рейтинговая системы / В. В. Сергеенкова. – Минск : РИВШ, 2004. – 132 с.

Н. П. Мартысюк

г. Минск, Беларусь

К МЕТОДОЛОГИИ ОПИСАНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ СТОРОНЫ ПОЛУЧЕННОГО СООБЩЕНИЯ

Предмет лингвистической прагматики имеет сложный, междисциплинарный характер, так как речь интересует исследователей в качестве не только средства и объекта изучения, но и пути достижения целей, лежащих за пределами акта коммуникации. Характер предмета подчеркивает зависимость исхода акта коммуникации от воздействия на речь целого ряда внелингвистических факторов – социальных, психологических, культурных, политических и пр. Результативная сторона этой зависимости как желаемый эффект на адресата именуется словами *эффективность*, *эффективный*. Понятно, что содержательный аспект этих слов произведен от слова *эффект* (лат. *effectus* ‘действие, воздействие, влияние’ [1]) с объемом значения «1) действие какой-л. причины, силы; результат, следствие чего-л.; 2) сильное впечатление, производимое кем-л. или чем-л.» [2], в котором отражена и процессуальная сторона сложной целенаправленной деятельности, и ее результат.

По нашим данным, слова *эффективность*, *эффективный* повсеместно употребляются в широком и неопределенном смысле, а наиболее частые ассоциации, которые встречаются в литературе, – это «эффективная коммуникация», «успешная коммуникация», «оптимальная коммуникация», «адекватное восприятие», «правильное понимание», «взаимопонимание» и пр. Очевидно, что денотативно-референтная и семантико-прагматическая функции всех лексем, участвующих в описании исхода коммуникации, требуют от нас подробного разъяснения.

Сначала обратим внимание на то, что *эффективный*, *успешный*, *адекватный*, *правильный* и *оптимальный* – это атрибуты коммуникации, то есть качества речи, а *восприятие* и *понимание* – это этапы семантизации смысла, и что ответное понимание (термин М. М. Бахтина [3, с. 48]) проявляет себя на всех трех стадиях коммуникативного акта: довербальной, вербальной и поствербальной. Далее для построения доказательной базы обратимся к толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, чтобы посмотреть на предлагаемый им объем понятия каждого из атрибутов коммуникации. Так, словарные дефиниции из этого словаря сообщают нам следующее:

адекватный ‘вполне соответствующий, совпадающий’ || *сущ.* адекватность;

взаимопонимание ‘взаимное понимание и согласие’;

оптимальный ‘наиболее благоприятный’ || *сущ.* оптимальность;

правильный 3. ‘верный, соответствующий действительности, такой как должно’ || *сущ.* правильность;

успешный ‘сопровождающийся успехом, удачный’ || *сущ.* успешность;

эффективный ‘дающий эффект (во 2 знач.): действие как результат чего-н, следствие чего-н.; действенный’ || *сущ.* эффективность [4].

Как видим, для обозначения исхода общения в вербальной и поствербальной фазах понятиям *успешная коммуникация* и *оптимальная коммуникация* присуща сема положительности, *эффективной коммуникации* – семы положительности и отрицательности. Для обозначения исхода общения в довербальной и вербальной фазах понятиям *адекватное восприятие*, *правильное понимание*, *взаимопонимание* также присуща сема положительности. К тому же, если вспомнить, что восприятие и понимание – это этапы декодирования и истолкования интенции говорящего (а интенции могут быть не только положительными, но и отрицательными), то в содержание этих понятий можно включить и сему отрицательности как элемент семиотической сопротивляемости слушающего. Например, на уровне понимания в конфликтной интеракции говорящий может добиться поставленной цели. Если еще вспомнить, что *адекватное восприятие*, *правильное понимание*, *взаимопонимание* – это оценки качества восприятия и понимания сообщения, то есть оценки результата протекания коммуникации в довербальной и вербальной стадиях, то становится очевидным, что лишь *эффективность* и есть «интегральное свойство речи,

свидетельствующее о том, насколько речь достигла поставленной при ее создании задачи» [5, с. 789]. Далее, правда, автор этой дефиниции считает, что *эффективность* в отличие от других описаний ответного понимания оценивается только после исхода коммуникации. С чем мы не согласны: *эффективность* может употребляться для обозначения исхода общения на любой из его стадий. Это положение мы убедительно доказали в нашей модели эффективности речи, различая *семантическую, прагматическую и действенную эффективность* [6].

Семантическая эффективность как довербальная «интуитивная мыслительная деятельность» [7, с. 107] адресата определяется общей направленностью на то или иное действие пропущенного через сенсорное поле мыслительного процесса и в отношении полученной информации характеризуется возникновением ощущений, чувств и образов, опосредованных эмоциональным фоном интенциональных состояний типа гнева, радости, любви, тревоги, гордости, ненависти и пр. Семантическая эффективность как проявление ответного понимания довербального уровня может считываться с выражения лица, которое у нас краснеет от гнева/смущения или бледнеет от ужаса, или же демонстрироваться определенными телодвижениями: например, для выражения недоумения и нерешительности мы пожимаем плечами, разводим руки, переминаемся с ноги на ногу, а для выражения одобрения и радости хлопаем руками, прыгаем. В этом смысле семантическая, глубинная, эффективность может ограничиться сенсорным уровнем, а может перейти в прагматическую эффективность в виде основы для выражения потребности в вербализации интенционального состояния, но уже на уровнях мышления и памяти. Получается, что прагматическая эффективность как проявление ответного понимания вербального уровня сигнализирует о состоявшихся когнитивных процессах переработки информации, формирует ответные смыслы, побуждающие к речевой деятельности, и ограничивается рамками обещания отреагировать на интенцию говорящего. Как показывает широкая практика изучения прагматики речи, прагматическая эффективность объясняется через способность универсальных уровней иллюкативной силы – субъективности, адресности, мотивированности и интенциональности – эксплицитировать ответное понимание.

Но иногда вербальных средств оказывается недостаточно, чтобы узнать, действительно ли говорящий достиг поставленной цели. Приведем наивный пример. Изложив свою мысль, говорящий в конце спрашивает: «Тебе все понятно?» Слушающий отвечает: «Да, понятно». На этом интеракция заканчивается. Как видно, на основе ответного понимания в виде подобного квазиобещания сложно прогнозировать, сделает ли слушающий то, что от него ждут, или нет? А вот если слушающий, ответив «Да, понятно», далее демонстрирует ответное понимание поствербально – идет и открывает дверь, пишет письмо и пр., то имеет смысл утверждать, что поставленная говорящим цель окончательно достигнута. Таким образом, именно реагирующий поступок адресата (а поступок, по Бахтину, есть потенциальный текст)

является доказательством действительного и полного понимания слов и мыслей собеседника. В этом случае имеет смысл говорить о действенной эффективности речи.

О действенной эффективности имеет смысл говорить и в случае выражения ответного понимания в виде коммуникативного действия молчания, опосредованного интенцией согласия. Например, на занятии преподаватель говорит: «А теперь запишем домашнее задание». Студенты, демонстрируя ответное понимание, молча берут ручки и выполняют волю преподавателя.

В рамках размышлений о дефинировании исхода коммуникации нельзя не остановиться на ключевой категории нашего анализа – полученном сообщении как минимальной информативной единице речи, сопрягающей усилия говорящих. Полученное сообщение оказывается результатом трансформации исходного сообщения в другое, эксплицирующее интерпретирующую деятельность адресата. Ведь акт коммуникации – это акт встречно-активной, двусторонней, трансформации, где преобразованию подвергается не только план выражения исходного сообщения, но и его план содержания. Как следствие, отправленное сообщение и полученное сообщение оказываются нетождественными друг другу. При решении нашей исследовательской задачи мы не можем обойти это обстоятельство: в перспективе представляется целесообразным изучить эффективность как отношение полученного сообщения к исходному, учитывая оценку степени искренности и достаточности принимаемой информации, оценку степени уместности и удачности коммуникативных актов в ситуации общения, оценку степени истинности и глубины проникновения в интенциональное состояние говорящего.

Проведенный семантический анализ на основе категорий полученного сообщения и ответного понимания, таким образом, показывает следующее:

1) понятие *эффективность* – неоднозначно и специфицируется как внутренними механизмами речевой организации человека – восприятием и пониманием, так и его оценкой;

2) необходимо придавать значение фазе акта коммуникации, которая изучается, и таким образом различать описание качества речи, оцениваемого после исхода коммуникации, от описания качества работы внутренних механизмов организации речи – восприятия и понимания, оцениваемых до и во время коммуникации;

3) именно полученное сообщение дает возможность в некоторой степени объективировать процессы речемыследействия, то есть сделать их доступными прямому наблюдению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
2. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост.: Н. В. Трус, Т. Г. Шубина. – Минск : Современный литератор, 1999. – 576 с.

3. *Волошинов, В. Н. (Бахтин, М. М.). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов (М. М. Бахтин). – М. : Лабиринт, 1993. – 189 с.*
4. *Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.*
5. *Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.*
6. *Мартысюк, Н. П. Прагмалингвистическое моделирование эффективности речи / Н. П. Мартысюк // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2018. – № 2 (213). – С. 67–74.*
7. *Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 268 с.*

Г. А. Назина

г. Минск, Беларусь

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЕННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТОТИПА МЕДИАДИСКУРСА

Исследования показывают, что любой материал в СМИ следует относить к полю или пространству массмедиального дискурса. Это означает, что в нем проявляются практически все другие типы дискурсов [1, л. 14], которые приобретают новые качества и свойства, обусловливаемые спецификой прагматических установок и содержательно-тематическими параметрами.

В рамках дискурсивного анализа это означает, что исследование той или иной разновидности медиадискурса предполагает «дедуктивную ступенчатость в систематизации и иерархизации параметральных признаков текстов, в особенности тех из них, которые функционируют на стыке коммуникативных сфер» [2, с. 80].

Объектом нашего исследования является англоязычный аналитический медиатекст о военно-политическом конфликте. Мы полагаем, что ввиду своей функционально-тематической специфики такой текст представляет собой особый текстотип медиадискурса, поскольку глобальные параметральные признаки аналитического медиатекста о военно-политическом конфликте специфическим образом модифицируются под влиянием двух факторов – глобальной темы «Военно-политический конфликт» и доминирующей персуазивной функции.

Типичные характеристики исследуемой разновидности медиадискурса образуют три уровня абстракции, обусловливаемые тремя факторами – дискурсивно-стилевым, текстотипологическим и функционально-тематическим. Первый уровень абстракции складывается из дискурсивно-стилевых